

Старый Ворон

Рассказ

Летом жара в Квинслэнде опрокидывается на землю с утра. Жестокая. Изнуряющая. Ещё на рассвете начинают назойливо трещать цикады, предупреждая всё живое замереть или спрятаться, куда придётся, от блеснувших из-за горы лучей солнца, и скоро звук их невидимых смычков превращается в мерный, звенящий гул. И как бы в ответ цикадам, изредка хохотнёт насмешливо где-то над головой кукабарра, проворкует голубь, или каркнет с высоты эвкалипта, имеющий по любому поводу собственное мнение, большой старый ворон...

Только эвкалипт, да ворон видят, как ранним утром сгорбленный старик в широкополой соломенной шляпе, с пучком полевых цветов в руке, плетётся по узкой, пыльной дороге к старому заброшенному кладбищу; оба теряются в догадках: они знают, что у старика там никого нет, а между тем, он годами так ходит, всегда в определённое время; подойдёт к какой-нибудь могиле, снимет шляпу и тихонько постоит... потом положит цветы и уйдёт.

И это хорошо, что старик уходит, потому что часам к десяти ослепительное солнце, стремясь во что бы то ни стало пробиться сквозь нависшую над землёй сизую хмарь, белеет от ярости и грозит испепелить на земле всё живое. Вот уже оно достало до глубоких трещин в земле; вот уже незаметно подкралось к высохшему овражку, где в былые дни, перепрыгивая через камни, бежал весёлый ручей – один из тех, что австралийцы любят именовать «речкой». В раскалённом воздухе начал носиться запах нагретой травы и отдалённого, неизвестно откуда взявшегося дымка, который сразу придал воздуху, и поднявшемуся солнцу, и жиденьким облачкам, и прозрачно-голубым теням эвкалиптов – какой-то рыжеватый оттенок. Сушь вокруг такая, что, кажется, только поднеси спичку... Однако в траве мирно и едва уловимо посвистывает, потрескивает и точно бисером рассыпается щёлканье кузнечиков; вдали из-за бурого камня осторожно выплянула и сделала два-три прыжка невозмутимая кенгуру; не обращая внимания на мудрые замечания ворона, на соседнем эвкалипте пересмеиваются и ядовито злословят кукабарры. Значит, в природе всё спокойно...

И потому солнце, пользуясь своей безнаказанностью, снова пробежало по дороге, осторожно заглянуло за поворот и, увидав там приютившуюся под раскидистым деревом кособокую, почерневшую от времени лачугу, разом вылило на неё море беспощадного, палящего света. В отместку. За то, что не настигло старика, когда тот возвращался обратно.

Почти одновременно, рядом с домиком качнулась и наклонилась, словно поднимая что-то с земли, знакомая соломенная шляпа. На секунду из-под неё мелькнула хмурая, сутулая спина; но вот шляпа качнулась снова.

– Где им, австралам, знать, да и зачем? – послышалось тихое ворчанье. – Сил нет говорить... А цветы – так ведь, земля-то одна: всё же легче, и не так одиноко! – и человек, потирая поясницу, с трудом переставляя непослушные ноги, поднялся на скрипучее крылечко и скрылся в чёрном проёме двери.

Мало кто из австралийцев сейчас имеет представление, как и откуда пришёл в их местечко Рэс-дауни, одинокий, угрюмый с виду старик. Знают только, что он обитает здесь ещё с незапамятных времён, то есть, с начала 50-х годов, а ведь большинство из них безвыездно живёт здесь, на своих фермах, не то что годами, но целыми поколениями. Вот разве самые древние старожилы... тем, наверное, известно больше. Но молодые не страдают любопытством и ни о чём их не спрашивают, и если бы не Джо, который и вовсе ещё не стар, то знали бы только то, что у странного старика есть странное прозвище: «Ворон». И не больше. Причём не на английский лад – «Кроу», а именно «Ворон». Впрочем, все познания соседей-фермеров в области чего-то «чужого» всегда сводились к тому, что, проходя или проезжая на грузовичке мимо почерневшей лачуги, они, завидев старика издали, приветливо и лукаво кричали:

– Г-дай, Кар-кар.., что по-фермерски должно было означать «здравствуй, сосед!» – и ладонь, сжатая в крепкий кулак, с отставленным большим пальцем, красноречиво взлетала в сторону дерева – туда, где, на толстом суку задумчиво сидели вороны: – «ну, ну, молодец, мол, держись, брат!»

Раньше, ещё в незапамятные времена, в ответ на подобное приветствие из лачуги неслась отменная русская брань.

Австралийцы, конечно, не понимали ни слова. Но догадывались. Считали соседа, которому в то время было не более тридцати, странным, нелюдимкой. Впрочем, в 50-е годы они и сами сторонились иностранцев: что греха таить! – очень даже недолгоблвали их, считали, что «чужакам» нельзя доверять. И потому, отдав долг вежливости – «Г-дай!» – и не встречая в подробности ответного «приветствия», спешили прочь.

Приблизительно в то же самое время австралийцы окрестили своего нового соседа «Вороном». Получилось это случайно: они никак не могли выговорить его фамилии, «Воронцов», ломали и коверкали, пока из неё не получился «Ворон». Так он Вороном и остался. Кажется, это был единственный раз, когда австралийцы видели своего соседа смеющимся, – тыча пальцем вверх, где, высоко, на ветке эвкалипта собрались посудачить большие чёрные птицы, он крикнул:

– Ворон: кар-р, кар-р!

И тут, как нарочно, с ветки сорвалась увесистая ворона и, усевшись на перевёрнутую телегу неподалёку, разразилась громким: «Кар-р-р!»

Раздался взрыв хохота. Сосед-«чужак» в сердцах махнул рукой, дескать: «Ах, чтоб вам..!» – повернулся и ушёл. Язык ли тому причиной, или ещё что, только с тех пор Ворон стал старательно всех избегать.

Время шло. Ворон так и продолжал жить – сам по себе, почти что ни с кем не общаясь. Разве что, кроме самой крайней необходимости. И только соседские мальчишки во главе с Джо, усевшись вдоль проволочного забора, снаружи, могли упорно не сводить с него любопытных глаз. В конце концов, их родители-соседи к Ворону тоже привыкли, ведь, по всей справедливости, он никого не беспокоил и никогда ни во что не вмешивался. И, если и не полюбили его, то, во всяком случае, начали уважать. Особенно после одного случая...

В этих краях частенько случались пожары. Не всегда, конечно, начинались они в соседнем посёлке Калбара. Но это не важно. Важно, что огонь неизменно захватывал огромную полосу местных лесов, посевов и пастбищ, где мирно пасся скот, и, конечно же, угрожал поселениям. Бывало так, что горело неделю, и больше; и багровый отсвет с охваченных пожаром склонов и вершин гор, который по вечерам, казалось, поднимался до самого неба, представлял собой жуткое зрелище.

Когда удавалось, австралийцы заранее пускали встречный пал, чтобы хоть как-то оградить себя от стихии. И не было такого случая, чтобы Ворон не вышел на подмогу первым. А потом опять уходил в своё затворничество. Но однажды случилась беда: неожиданный порыв ветра и – огонь перебросился на ближайшие поселения. Большинство фермеров были к этому готовы, эвакуировались. Но нашлась семья, которая ни за что не пожелала покинуть своё жилище, решив отстаивать его у огня до последнего. И не в том дело, правы эти люди или нет. В такую минуту поздно об этом судить, особенно, когда в доме застрял двенадцатилетний мальчишка, Джо.

Есть у австралийцев чувство самоотверженности. Всегда было. Но есть в жизни момент, доля секунды, когда нет времени решать «быть или не быть», когда инициативу кто-то должен взять на себя первым. Ворон ворвался в пылающий дом, когда каждый ясно сознавал, что выхода оттуда уже не будет...

Никто не мог понять, каким чудом Ворон спас тогда парня. Но сам обгорел так, что два месяца пролежал в больнице. Думали, не выйдет... После этого случая австралийцы стали относиться к

Ворону уже не просто с почтением, но и с примесью искренней дружбы. Можно было бы с уверенностью сказать, что его, «чужака», полюбили, если бы только он сам так старательно не сторонился всех. Однако труднее всего оказалось избавиться от излишней благодарности со стороны отца мальчугана, которого «странный пришелец» спас от верной смерти. Ворон, отмахиваясь от назойливого австралийца, каждый раз бурчал себе под нос:

– Да какой я вам, к чёрту, «хируу!» – и скрывался в лачуге.

С мальчишкой же оказалось не так просто.

Однажды, когда заходящее солнце золотило почерневшие от недавнего пожара стволы деревьев вдали, Джо, впервые набравшись храбрости, осторожно пролез под колючей проволокой забора и уселся на крыльце Ворона. Это было так неожиданно и дерзко, что в первую минуту Ворон опешил. Но мальчишка не собирался никуда уходить. Сидел и преспокойно рассматривал изуродованные, в шрамах, лицо и руки соседа-нелюдимки. Некоторое время Ворон угрюмо молчал, сосредоточенно приколачивая что-то к деревянному ящику. Раздражение закипало, он уже приготовился было заворчать, но тут увидел, что по лицу Джо пробежала тень, губы мальчика дрогнули и на широко раскрытых, безгранично доверчивых глазах навернулись слёзы, точно он вспомнил, как вот этот самый, «чужой», странный человек, вырвал его тогда из пылающего ада... В душе Ворона шевельнулась жалость: – «Бедняга, такого ему никогда не забыть!» Злости как не бывало; он молча протянул мальчугану ворох гвоздей, жестом велел «подавать» и продолжал колотить. Когда ящик был готов, он вскинул на парня потеплевшие глаза, но в то же время выразительно и грозно махнул в сторону забора:

– А ну, марш домой!

Джо словно ветром сдуло.

Но на следующий день, едва мальчуган примчался из школы, он уже снова сидел на крыльце Ворона. Гнать было бесполезно, и Ворон смирился. Давал работу: где-то поднять, где-то подержать, а там и самому что-то смастерить. Как они договаривались, один Бог ведает. Но понимали друг друга. Так терпел Ворон присутствие мальчишки, пока солнце не опустилось до средней ветки эвкалипта. А после этого... Впрочем, Джо не дожидался, пока «чужак» метнёт в сторону забора яростный взгляд или, чего доброго, запустит чем-нибудь в него...

Но разве в таких делах дети кого-либо спрашивают?! Подходят себе соседские ребята к забору и стоят, смотрят! Во двор, как это осмелился сделать Джо, конечно, не заходят, не рискуют. И невдомёк было Ворону, что детвора его всего-навсего обожала. А было за что: как бы невзначай, между делом, он постоянно делал для них игрушки. Так повелось с незапамятных времён. Хотя это нисколько не мешало шпане дразнить его:

– Эй, Ворон, кар-р-р, кар-р-р!

Конечно, Ворон нисколько не сердился, и только для острастки бранился, швыряя в них очередной игрушкой. И кто знает, сколько бы это продолжалось, если бы не один случай...

Проезжал как-то мимо лачуги сосед на грузовичке, и опять весело крикнул:

– Г-дай, кар-кар!

Ворон, по привычке, выругался: благо, никто по-русски не понимает! И вдруг попугаи, белые с жёлтым хохолком, какаду, раскричались и точно эхо подхватили удивительно знакомые фразы. Джо рассмеялся:

– Ворон, что это значит?

Ворон опешил. С тех пор он подобным образом с соседями не «здоровался»...

За ту неделю, что упорно навевывался в гости Джо, Ворон успел сколотить из досок несколько ящиков, которые легко могли бы служить соседям-погорельцам – столом, шкафом, да мало ли, и теперь они с Джо несли их по назначению. Именно ОНИ: Ворон уже к пареньку привык и скучал, если тот запаздывал. Само собой разумелось, Ворон выбирал ящик полегче и молча протягивал его Джо: неси, мол! С тех пор так у них и повелось: раз в неделю Джо с гордостью помогал Ворону тащить кому-то из соседей то самодельный стул, то «кровать» или просто ящик для хранения продуктов, а то и продукты. Деньги, однако, или рабочий материал, Ворон брал с тех, кто побогаче. И обход начинал обычно с них для того, чтобы тут же раздать тем, кто потерял всё...

Ворон и раньше помогал семьям, которые, вопреки мнению многих, будто в Австралии «манна с неба сыпется», жили в окрестностях Калбара очень и очень скромно. Появлялся незаметно, оставлял что надо, и так же незаметно исчезал. Если случалось, что его всё-таки кто-то видел, он смущённо бормотал: «детям», жестом показывая на кого-то из малышей, и сразу уходил. Но тут, после

пожара, едва из больницы вышел, ещё раны толком не зажили, Ворон ещё больше занялся работой. У большинства фермеров в 50-е годы не было страховок таких, какие существуют сейчас, полвека спустя: потеряв в пожаре имущество, многие оставались буквально ни с чем. Только мало кто догадывался, что сплошь и рядом этот «чужак», нелюдимка, отдавал пострадавшим соседям также и своё последнее. Джо случайно узнал об этом: из единственных двух рубаш, которые Ворон целый год бережно стирал в тазике, сидя на корточках возле жестяного бака с водой, он уже больше месяца носил одну и ту же, причём, самую рваную.

Так всю жизнь Ворон никого, кроме Джо, и не признавал, но не потому что с языком у него было слабо. Напротив, ещё до приезда в Австралию он немного знал английский, даже учебник с собой привёз. Часто видели, как он вечерами при слабом свете сидел над своей пожелтевшей от времени книжкой, иногда писал. А иногда просто глядел куда-то вдаль. Но это уже на старости лет. А с тех пор, как Ворон подружился с двенадцатилетним Джо, он уже довольно прилично говорил по-английски.

С тех пор Джо вырос. Своя семья появилась. Богатым стал, настоящим фермером-«австралом»: в старых шортах и сильно поношенной майке, в мощных ботсах-«чоботах», что, точно ледокол, проходят через любые дебри, навоз или размокшую глину; натянув с утра, он снимал их уже только вечером. Ворона Джо не забыл, век ему благодарен будет не только за спасение: «чужак» научил когда-то его, мальчишку, хитроумному ремеслу, сделал «мастером на все руки».

Как и многие австралийцы, Джо просто обожал посидеть вечером на крыльце со своим старым другом и поговорить о былом, вспомнить «что было, чего не было» или, как называли это праведное занятие австралийские фермеры, плести языком «ярны». Закончив дневную работу, он с кружкой чая в руке вышел на заваленную хламом веранду и, наблюдая за пустынной дорогой, стал ждать, не придёт ли Ворон. Но, как видно, упрямый отшельник не намеревался на старости лет менять свои привычки. Джо не выдержал и сам пошёл к нему: его не волновало, что старик вечно молчит, он не был требовательным, ему – лишь бы самому говорить...

Джо начал с того, что едва не протопал в своих «ледоколах» в дом. Но чистый половичок и мрачный взгляд Ворона, устремлённый на выдавшие виды ботсы, все в глине, остановили его у порога: «пора бы, дескать, научиться!» Старик до истерики не переносил грязи. Однако, стаскивать обувь не хотелось: всё равно им на дворе сидеть...

Джо добродушно подвесил над маленьким костром жестянку с водой. Как только в жестянке забурлило, и повалил пар, он, по традиции первых австралийских переселенцев, бросил туда добрую горсть чайных листьев – прямо в общий кипяток! С едва заметной усмешкой Ворон молча наблюдал. Но простодушному Джо очень хотелось хоть чем-то развеселить старика...

– А дальше пойдёт, – мирно приговаривал он, – настоящее действие, – с этими словами он взял немало поводавшие на своём веку две бурые кружки с трещинами и плеснул в обе немного молока: – это так, «чтобы рыжих не было!» – опять заурчал он, – «детей», то есть...

Вдруг Джо крикнул: – и как это у него могло такое сорваться с языка?! Всего навсего, известная австралийская шутка, но Ворон мог подобного рода «предосторожность» плохо принять: чего-чего, а уж детей-то у «чужака» нет, не было и не будет. Джо взял жестянку с заваренным чаем и нацелил ароматную горячую струю в чашку с молоком – не разбавляя, аккуратненько эдак, чтобы не попали чайные листья; получилось, как положено, крепко, чтобы «ложка стояла»...

– Да уж какие там, «рыжие!» – неожиданно отозвался Ворон, пряча лицо в огрубевших от работы ладонях, и через минуту добавил с горечью: – Один я! Один, как перст!

Джо насторожился: за все годы старик никогда никому не говорил о себе, о своём прошлом; не говорил даже, откуда приехал. При малейшем любопытстве людей у него темнело лицо, и он уходил, и потом не появлялся несколько дней. Нет, никогда Джо не спросит старика о чём-либо – даже у него, простого фермера, имеется врождённый такт.

– А ведь была у меня семья! – снова почти что простонал Ворон, взъерошив пальцами рыжеватобелёсые, точно кора эвкалипта, волосы, – Боже мой, всё, всё было...

Так суждено было австралийскому другу взглянуть в этот вечер на одну из страниц одинокой жизни «чужака».

Во-первых, он Воронцов, а никакой не «Ворон»: Димитрий Иванович Воронцов. Дворянин, инженер по образованию. Когда-то в молодости учился на священника, но потом – перелом в жизни, и решил стать инженером. Вот так-то... Хотя всю жизнь оставался глубоко верующим. Из Китая приехал, со станции Яблоня. Что? Почему он не «раскосый», не «жёлтый»? А что, потеряв когда-то

родину, русские не могут жить, где им вздумается?! Или, попав в Африку, люди должны сразу почернеть?! Кажется, он к парню окончательно потеряет уважение...

Неожиданно старик замолк, словно не в силах был произнести самое горькое. Но скоро, усилием воли, взял себя в руки. И тогда Джо узнал, что, когда на посёлок напали хунхузы – воры, то есть, китайские разбойники – Ворона не было дома... От руки злодеев погибла его жена и двое маленьких детей. И он, Ворон, был так потрясён, увидев своих ненаглядных малышей и жену зверски растерзанными, что едва не сошёл с ума. Больше года не мог он прийти в себя; потом решил бежать, бежать как можно дальше от страшных воспоминаний. Он уехал в Австралию. Весёлый, общительный человек превратился в сварливого отшельника-нелюдимку.

Впрочем, не совсем...

– Это ты, Джо, помешал мне «сойти на нет», – поднял Ворон мокрое от слёз лицо.

Джо сидел, не шелохнувшись: когда плачет его почтенная «миссус», как фермеры называют своих жён, он, Джо, очень хорошо знает, как её утешить; но слёзы мужчины, да ещё старика – эти вздрагивающие острые лопатки на костлявой, как у старой лошади, спине – это серьёзно, даже страшно как-то, он к такому не привык. Лучше уж молчать, чем сказать что-нибудь невпопад.

Прошло месяца два после того памятного вечера. И вдруг Джо заметил, что неладное начало твориться с Вороном: заклятый холостяк в лачуге тщательно прибирает, вещицы свои скудные соседям раздаёт, а потом часами под любимым эвкалиптом просиживает, в пустоту глядит. А какая от этого дерева тень? Ровным счётом никакой. А солнце-то палит. В душе Джо шевельнулась тревога: лет «чужаку», поди, уже за восемьдесят...

– Зачем затосковал старый..?

– А что? Жизнь начинается, жизнь кончается...

Теперь уже Ворон откровенно говорил о «печальном». И так просто, обыденно. Но самый факт, что молчаливый «чужак» заговорил... пугал и угнетал Джо.

Между тем, как-то Ворон сказал, что решил завещать своё состояние на Каушев, албанцев, кажется, которые год назад невесть откуда переехали из Калбара в Рэсдауни. Вернее – на их сынишку, Бронка. Небольшое, конечно, состояние...

– Когда-то арендовал у твоего родителя крохотный участок, в обмен за труд; потом подкопил денег и – выплатил; огородик развёл, курочек, в лавке не тратил – обходился. Так-то...

– Пропьют же... цыгане! – ахнул Джо. – И парню ничего не достанется!

– Да уж, семейка! – покрутил носом Ворон. – Но Бронек... всё же Кауши сынишку не обидят! А может, лучше теперь им отдать? Пусть мальчишку на ноги поставят. Об одном только попрошу их: пусть похоронят меня по русскому обычаю, вот, под этим эвкалиптом, и только изредка приходят на могилу немного прибраться...

После этого разговора «чужак» опять месяца два-три молчал. Но это уже было нормально, и Джо перестал тревожиться. Как и прежде, на закате, они посиживали на крыльчке и «плели ярны», ляды точили, то есть.

Заходящее солнце золотило белёсо-серые стволы и кроны эвакалиптов, несущихся вдаль, в клубах пыли, коней, собак и бесконечное море бурых спин коров – это фермеры загоняли в конце дня молочный скот в родные пенаты. Щёлканье бича, трубно-густое мычание коров, лай собак, топот конских копыт, и даже самый воздух – все это сливалось и казалось рыжевато-серым.

По мере того, как опускалось солнце, всё больше тянуло прохладой. Потемневшие стволы эвакалиптов уже только изредка вспыхивали последними огненно-яркими бликами, точно кто-то спичкой по ним чиркал, и, вместе с синееющим лесом и горами на горизонте, погружались и растворялись в голубовато-серой сонной дымке.

Топот коней и лай послышался где-то недалеко от лачуги Ворона: это несколько незадачливых коров увильнули от пастухов, приотстали от стада на дороге и подошли к изгороди, то есть, к редким столбикам, с длинной, натянутой в два-три ряда, колючей проволокой. Толкаясь, коровы просунули головы под проволоку и задумчиво уставились на людей во дворе.

Старческой походкой, не спеша, Ворон направился к изгороди.

– Хороший вы народ, коровы! – проговорил он вполголоса, протягивая на ладони ломоть хлеба и норовя погладить тёплую бурю голову.

Шершавый мокрый язык прошёл по ладони, хлеб упал в пахнущую солнцем траву, по другую сторону изгороди. Ворон наклонился его поднять, вытянул вперёд руку и, навалившись на проволоку,

неволью подался вперед. Корова испуганно шарахнулась в сторону, за ней – другая, третья. Почти одновременно раздался крик Джо, лай собак, и где-то над головой заржал вставший на дыбы конь.

Удар пришёлся в висок.

Разве можно удивляться, что Кауши не захотели хоронить Ворона, как он просил, «по-человечески»? Узнав, что они решили тело сжечь, за счёт наследства, конечно: так дешевле, мол, – Джо страшно возмутился:

– Мне лично, всё равно, как хоронить. Но сжигать – против религии старика! И потому – *его, русский Бог*, вас накажет!

В общем, сжигать Ворона Джо не позволил. В отместку за это, Кауши, несмотря на завещание, не пожелали хоронить старика на участке под любимым деревом, чтобы не «жить рядом с привидением», и похоронщики должны были свезти тело на кладбище.

– По-английски ни бум-бум, только и знали, что «сенькать» за бесконечные подарки! – выходил из себя Джо, кидая яростные взгляды в сторону наследников. – А теперь, когда всё им отдал...

Джо отыскал русского священника и сам, на свои деньги, сделал всё честь по чести. Через некоторое время поставил «чужаку» памятник.

Из местных жителей теперь мало кто помнит, что с незапамятных пор в этих местах жил добрый, но странный нелюдимка по кличке «Ворон», который всю свою жизнь помогал людям. Тем более не помнят, что он был русским. И только, когда случайный приезжий заглянет на сельское кладбище и, прочитав на памятнике необычную фамилию «Vorontsoff», спросит об этом кого-то из местных, те в недоумении почешут голову:

– Да кажется был такой, «чужак», что ли... или как его там..? – и разойдутся.

А Кауши... Какое уж там за могилой «ухаживать»! Нерадивые, они даже за участком не следят. Поговаривали, что лачугу снесут, но и до этого у них руки пока не доходят. Так и стоит она – кособокая, почерневшая – у забора, возле самой дороги, до сих пор.

Джо сам на могилу к Ворону ходит, заботливо следит за ней, прибирает.

Время от времени, большой старый ворон с высоты эвкалипта видит, как его крепкая, коренастая фигура топает ранним утром вдоль пыльной дороги в сторону старого кладбища...

Что значит быть русским в эмиграции

Какой сложный вопрос, и какой простой...

Ещё до недавнего времени никому из нас не приходилось давать строгий отчёт в своей национальности. Быть русским – казалось естественным, как дыхание; перестать быть русским было бы то же самое, что перестать быть самим собой. А между тем наши предки, покинувшие Россию после событий 1917 года, сознательно и систематически, годами воспитывали в нас любовь к России, её культурному наследию и великому прошлому. И теперь, когда приходится подвести итог их стараниям и дать отчёт в своей *русскости*, хочется ответить на поставленный вопрос буквально в двух словах: быть русским в эмиграции, это – *моральная ответственность*.

Считается, что любой эмигрант представляет свою нацию на чужой земле. Для русской же эмиграции революционного периода вопрос этот всегда составлял особую важность: русская эмиграция того времени была, прежде всего, *политической*, а точнее – *духовной* эмиграцией, в отличие от экономической или какой-либо другой, поскольку Россию русские люди покинули, главным образом, из-за воинствующего безбожия, поэтому сознание, что русский человек на чужбине несёт в себе Россию, обязывало его быть в ответе не только перед приютившей его страной, или перед покинутой родиной, но и перед своею совестью, которую в огромной мере сформировало его Православное мировоззрение, и потому, независимо от его личного отношения к существующему строю, русский человек на чужбине всегда стремился вести себя так, чтобы никогда ни один иностранец не мог плохо отзываться о России.

Всю свою любовь, всю тоску по потерянной родине, всю надежду на её возрождение эмигранты передавали своим детям. Они воспитывали в них чувство патриотизма к родной земле предков, призывали им понятие о русских обычаях, культуре, традициях, но превыше всего – верность Правосла-

вию. Эмигранты также знакомили с русской культурой иностранцев. Старались, чтобы иностранцы, видя в них самих отражение истинной России, прониклись к этой необыкновенной стране искренним уважением. А русские обычаи, традиции – что и говорить, они хороши! Конечно, соблюдение традиций всегда играло огромную роль в жизни русского эмигранта, но всё же говорить только о пасхальных яйцах, куличах, о сверкающем огнями Сочельнике, или восхищаться русским венчанием, крестинами, или умиляться проникновенным обрядом Православных похорон – мало. Это не только слишком упростило бы понятие о *русскости*, это его попросту исказило бы. Вся эта красота – это всего лишь внешнее проявление более глубокого, истинного смысла. Ведь для русского человека родные обычаи и традиции неразрывно связаны с Православной верой – они построены на Православии: только Православие придаёт им смысл. Поистине, только тот человек вправе называть себя «русским» – не только в эмиграции, но и у себя на родине, – кто всем своим сознанием, всем существом проникнут искренней любовью и уважением к Православной вере, кто всеми силами старается хранить её заветы, кто помнит, что именно Православие формировало величие былой России, её историю, культуру, традиции... Это особенно важно не забывать нам, потомкам эмигрантов, для того чтобы не раствориться в иностранной среде, чтобы не потерять своё великое наследие, поэтому быть русскими в эмиграции, это значит – быть Православными.

Неумолимо идут годы. Уж давно не сидим мы возле самовара и о прогулках на санях на Масленицу знаем только из русской литературы или воспоминаний наших престарелых родственников. И едва ли кому-то из нас, молодых, приведётся морозной ночью прокатиться на тройке с бубенцами по необъятным русским просторам, которые многие из нас даже никогда не видели, или коротать зимний вечер в бревенчатом домике у печи, где уютно потрескивают дрова. Но русские песни с их безудержным весельем или чисто русской тоской, по-прежнему туманят глаза, лихая пляска всё так же зажигает всем кровь. Конечно, представители старшего поколения чаще предпочитают картины русской зимы, так как они напоминают им родную сторонку. И русские берёзки, запах майского ландыша, сирени, или тени легендарных героев из великой русской истории – очарование давно ушедшего мира – теперь уже больше затрагивают души взрослых, чем молодёжи. Что же касается русского языка, то – что греха таить! – за эти десятилетия он у многих эмигрантов в третьем и четвёртом поколении сильно пострадал.

Давно ушли в лучший мир наши предки, постепенно уходят и наши родители. Что же остаётся у нас? Что теперь делает нас, их потомков, *русскими* в эмиграции? На этот вопрос можно ответить совершенно точно и определённо: Православная вера. Она, как жемчужная нить, связывает в одно целое и язык, и культуру, и традиции России, и дорогую для нас память родителей. Без веры, русский человек – ничто. Ведь берёзки, сирень да майские ландыши найдутся и в других странах. Точно так же найдётся там и своя захватывающая история... и пляска, и музыка, и живопись... и свои легенды. Но только у русских вековая культура жила и дышала Православием, – эта вера вдохновляла людей на неслыханные подвиги. И сейчас, много лет спустя, уже за границей, та же самая вера способна побудить потомков эмигрантов – пусть даже единицы – на великий труд во имя *русскости*, во имя России. Вспоминаются знаменитые слова Достоевского: «Русский, без православия – дрянь...» Жёстко сказано, но верно. Конечно, православным может быть человек любой национальности, независимо от цвета кожи, но настоящий русский, действительно, может быть только православным. Это – именно то, что делает русского *русским*, определяет его сущность. В конце концов, человек может говорить на любом языке мира, но тогда он будет относиться к разряду «англизоязычных», «франкоязычных», или прочих «язычных», и среди них, кстати, и «русскоязычных», населяющих теперь все части земного шара.

Как просто и, вместе с тем, сложно ответить на вопрос: «Что значит быть русским в эмиграции?» Ведь, это – боль за лучшую, загубленную, духовную часть России; это – сознательное стремление всеми силами сохранить её отражение на чужбине; это – боль за несчастье ни в чём не повинных русских людей, оттого, что на их исконной земле вот уже более 80-и лет хозяйничают власть имущие заезжие инородцы. Быть русским в эмиграции, это – надежда и радость оттого, что в России вновь пробуждается вера, и русский богатырь, восстав от заколдованного сна, вновь расправляет свои могучие плечи... Быть русским в эмиграции, это – сознание, что ты всегда и везде чужой, даже в самой гостеприимной стране. Это значит – быть всегда один на один со своей русской думкою, со своими убеждениями, верой и совестью среди чужих, не разделяющих этих взглядов людей. Это значит, всю жизнь проверять себя – «Кто я?» и «Что я?» – и не бояться быть самим собой, потому, что полнота «русскости» начинается и заканчивается Православием.